

*Любовь
Грузинова*

**ПОРА
ВЛЮБЛЕННОСТИ**

Любовь Грузинова
Пора влюбленности

«Издательские решения»

Грузинова Л.

Пора влюбленности / Л. Грузинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858287-5

Роман о самой захватывающей и романтической поре нашей жизни — о поиске второй половинки. Когда любовь и узы брака ещё только в будущем, а в настоящем герои романа исследуют мир и друг друга, ищут свой путь, истину и любовь. Любовь Грузинова искренне и с юмором раскрывает секреты отношений мужчины и женщины, превращая современную жизнь не только в приключенческий, но и в поучительный роман.

ISBN 978-5-44-858287-5

© Грузинова Л.
© Издательские решения

Содержание

Несколько вступительных слов	6
Культурные разговоры,	8
Что хочет мужчина?	13
Елена Прекрасная,	23
Зависть Родена	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пора влюбленности

Любовь Грузинова

Дизайнер обложки Маргарита Николаевна Пальшина

© Любовь Грузинова, 2017

© Маргарита Николаевна Пальшина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8287-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько вступительных слов

Девочки, дорогие, поверьте на слово: учиться на собственных мужчинах так же глупо, как учиться на собственных ошибках. Но, увы, так же неизбежно. К тому же, некоторые из встречающихся на нашем жизненном пути мужчин к тридцати годам сами по себе являются одной сплошной ошибкой. Учиться следует на чужих мужчинах. Немного наблюдательности, хороший сравнительный анализ и чуточку скепсиса, больше юмора и оптимизма – и считайте, что у вас есть все шансы найти в куче «тряпья» искомую вещь нужного размера.

Если вам за тридцать, и кроме этого вам похвастаться нечем, что ж, значит, со всем, что я перечислила выше, у вас, мягко скажем, не очень. Немедленно вытрите с лица кислую мину, еще раз переберите в голове весь свой прошлый личный опыт и честно признайте свои ошибки. Затем возьмите их и отложите в самый дальний ящик в своей голове. Это будет началом вашей богатой жизненной коллекции.

Надо помнить, что каждая из нас достойна того мужчины, которого она имеет. Если около вас откровенный хам, распускающий руки, мямля, неспособный забить гвоздь в стену, или закоснелый эгоист, то не надо быть самым высокооплачиваемым психологом, чтобы решить эту проблему: проблема – это вы сами. Вы терпите рукоприкладство, находя ему в оправдание тысячи причин, вы с готовностью бросаетесь делать мужскую работу, пока ваш мямля хнычет перед телевизором, и вы же молча плачете по ночам в подушку, когда вашего ненаглядного эгоиста нет дома. И так из раза в раз, из года в год, из молодости в старость, и вы уже не замечаете, как ваши руки обессилено свисают вдоль одрябшего тела, и единственное, что вам теперь остается, это фанатично повторять своей взрослой дочери, что все мужчины – сволочи.

Ничего подобного. Если бы у вас хватило воли смести этих неудавшихся героев со своего жизненного пути намного раньше, то ничего из вышперечисленного с вами бы не произошло. Кроме того, у вас появилась бы куча свободного времени, чтобы успеть осознать, что не все мужчины законченные негодяи.

Конечно, мужчины не подарок, но не надо забывать, что и мы с вами для них не единственное счастье в жизни. Не надо думать, что с вашим появлением их существование обязательно превращается в сказку. Чушь для старлеток!

Чаще всего с вашим появлением их жизнь превращается в одну сплошную головную боль. Поставьте себя на их место и попытайтесь мысленно выполнить хоть треть из того, что вы от них требуете. Ну как? Вы совершенно правы: кто-то, а ваше высочество в ломовые лошади не нанималось!

Конечно, это вовсе не значит, что не надо ничего требовать. Надо. В меру, не наглея, но надо, иначе мужчина почувствует, что вы ему легко достались и ничего не стоите. А то, что легко достается, быстро забывается и, в конечном счете, выбрасывается. Увы, дорогие мои, инстинкт первобытных охотников в подсознании мужчины живет и здравствует, и цивилизация тут бессильна.

Не надо воспринимать мужчин как нечто особенное. От этого они тоже быстро портятся. Они также портятся от плохого обращения, от излишней любви, от вседозволенности, но могут испортиться и от недостатка тепла и ухода за ними. Это как йогуртовая маска: пока она свежая – коже приятно и комфортно, но стоит ее передержать, и появляется корка с неприятным запахом. Поэтому, девочки все в меру. Долой скучных моралисток и коварных стерв! В каждой из нас все должно быть взвешено до миллиграмма. Слушайте сердце, но прислушивайтесь к разуму, и тогда вы найдете то, что ищете. А вот когда вы это найдете... Забудьте все, что я вам здесь наговорила, и держите добычу в своих маленьких ручках как можно крепче, потому что, уверяю вас, найдется по крайней мере еще дюжина ручонок с острыми коготками, которые захотят ее у вас оттяпать.

Я не ставлю своей целью учить вас жизни. Зачем? Каждая из нас в итоге окончит свой жизненный университет и передаст знания следующему поколению. Дай Бог, чтобы этот процесс у вас был не особенно болезненным и не привел бы к непоправимым ошибкам. Но кое-чем полезным я все же рискну поделиться. Если это хоть кому-то из вас поможет и поднимет настроение, что ж, как говорится – пользуйтесь на здоровье.

Культурные разговоры, или как надоест мужчине

Моя подруга Мила долго и тщетно искала того, кто стал бы идеальным спутником ее жизни, но чуда так и не произошло. По прошествии череды неудавшихся романов она превратилась в хронического циника, винившего в своем одиночестве всех подряд. Она умудрялась попадать в неприятные ситуации по два раза за сезон. Сезон обычно длился с января по май, а затем приходило лето и выгоняло нас вон из душного города куда-нибудь подальше, на природу. Но и там Миле хронически «везло».

Помню, как-то раз, будучи в добровольной двухнедельной ссылке, в доме отдыха, мы готовы были выть от скуки, наблюдая, как шестнадцатилетние недоросли пытались подражать американским реперам. Они стоически таскали под коленками задницу от джинсов, которые были на три размера больше, чем полагалось, при этом как-то странно жестикулируя, словно их руки перед этим долгое время были в гипсе, где неправильно срослись и теперь торчали в разные стороны угловатыми крючками.

Как-то вечером один из этих странных криворуких субъектов решил с нами заговорить. Он долго топтался на месте, видимо рассчитывая крайне сложную для его ума траекторию движения, затем сделал несколько размазанных шагов по направлению к нашей скамейке и со всего маху плюхнулся с краю, довольно стукнув себя ладошками по коленкам.

– Ну, и чего такие грустные? – его голос был натянут, точно провод под током.

Чуть больше эмоций – и последует разряд.

Надо сказать, что перед его внезапным «приземлением» у нас было на редкость превосходное настроение, поэтому мы не сразу поняли, о чем нас спрашивают.

– Так и будем сидеть? – новоявленный собеседник демонстрировал завидную упертость. В его облике просматривалась готовность во что бы то ни стало надоест нам до чертиков.

– А в чем, собственно, дело? – Мила как можно шире распахнула огромные карие глаза и старательно захлопала ресницами.

– Да так... – подросток деловито шмыгнул носом. – Я думал, у нас культурная беседа получится, а тут такое...

– Какое «такое»? – взвилась Мила.

– Некультурное, вот какое, – парировал нахал и опять хлопнул себя по коленкам.

Во мне появились первые признаки раздражения. Спрашивается, кто вообще звал сюда этого неандертальца? Может, он на нас поспорил?... Так часто бывает. Ты говоришь своим приятелям: спорим, я закадрю вон тех двух «телок» на лавочке? Они тебе в ответ: давай, валяй, спорим на десять баксов, что они тебя отошлют.

И вот новоявленный Казанова уже шествует в твою сторону с самым наглым видом и не моргнув глазом порет всякую чушь, претендуя на культурную беседу.

От одной только мысли об этом мне стало не по себе.

– Послушай, что тебе от нас надо? – В моем вопросе послышалась угроза. Я постаралась смягчить ее улыбкой, но мои актерские способности дали осечку. Улыбка получилась какой-то зверской.

Подросток настороженно оглядел меня с ног до головы и промямлил:

– Я хочу культурно общаться. Чего тут неясного?

Меня накрыла волна отчаянья. Словно я в сотый раз делала нечто очень трудоемкое, и в сотый раз в последнюю секунду все рушилось прямо у меня на глазах.

Мила сощурила глаза и произнесла ледяным тоном:

– Хочешь культурно общаться? Пожалуйста. Когда родился Пушкин?

От неожиданности я чуть не поперхнулась. Если бы на небе не светила луна, я бы подумала, что с Милой случился солнечный удар.

– При чем здесь это? – у юнца вытянулось лицо.

– При том, – огрызнулась Мила. – Каждый культурный человек знает ответ на такой элементарный вопрос. Если ты не в их числе, тогда топай отсюда. Вот тебе и вся культура.

– Постой, – я дернула подругу за руку. – Я тоже не помню, в каком году родился Пушкин. У меня вообще плохая память на даты, мне что, тоже топать?

– Нет, – вздохнула Мила. – Если еще и ты уйдешь, то с кем я буду разговаривать?

– Со мной. – Подросток пересел на край, который был ближе к Миле.

– С тобой и так все ясно. – Мила похлопала его по плечу. – Сначала школу закончи, сынок, а потом уже приставай к таким старым теткам, как мы.

Старые тетки?! Я с удивлением посмотрела на Милу. Если она в двадцать два считает себя старой теткой, то, очевидно, что в сорок мне придется весь день проводить в очередях в поликлинике, надоедая участковому врачу своим нытьем.

Я тряхнула головой, отгоняя от себя мысль о столь печальной перспективе.

Весь следующий день мы с Милой провели, валяясь на берегу озера, со вкусом пережевывая детали вчерашнего вечера.

– Хорошо, что мне уже не шестнадцать лет, – лениво промурлыкала Мила, переворачиваясь на живот. – Я бы умерла от стыда, будь у меня такой кавалер, как тот вчерашний недопепа. С моей внешностью я достойна гораздо большего.

– Давай устроим рекламную кампанию, – предложила я. – Отпечатаем миллион карманных календариков, на которых ты предстанешь в образе богини любви, и забросаем ими всю Москву.

Мила горько усмехнулась.

– Одним миллионом Москву не забросаешь. Мы не в Голливуде. Здесь с меня еще штраф дерут за несанкционированный сброс мусора с воздуха.

Я хотела возразить, что Милина физиономия на календарях – это далеко не мусор, но тут мой взгляд упал на молодого человека в строгом темном костюме. Учтывая, что на улице стояла жара в тридцать два градуса, появление человека в темном костюме среди полуголых людей было столь же впечатляющим, как появление эскимоса на оленьей упряжке в пустыне Сахара.

– Гляди, – я указала на странного незнакомца. – Как ты думаешь, ему очень холодно?

Мила спустила большие темные очки на нос и принялась с видом знатока разглядывать прогуливающегося по пляжу мужчину.

– Судя по тому, что я вижу, ему явно не хватает теплой женской компании, – изрекла она спустя несколько минут. – Предлагаю оказать медицинскую помощь. Первой пойдешь ты.

Надо сказать, что на такую жертву с ее стороны я даже не рассчитывала.

– С какого перепугу я вдруг потащусь спасти этого снежного человека? Вдруг он болен какой-нибудь неизвестной науке болезнью, вроде «синдрома одинокого пингвина», и она страшно заразна?

– Не мели чепухи, – по выражению лица Милы стало ясно, что она предвкушает свой успех в роли армии спасения.

В принципе, мне было все равно, кто и что обо мне подумает, тем более незнакомец в темном костюме, поэтому я решила не тянуть резину и решительным шагом направилась ему наперерез. Мила не ожидала, что я так резкоотреагирую на ее предложение оказать помощь человеку, который в ней явно не нуждается, поэтому она быстренько подхватила свои вещи и потрусила следом за мной. Как она потом объяснила, чтобы я не оказала ему чего-нибудь лишнего.

Тем временем молодой человек, ни о чем не подозревая, медленно прогуливался вдоль кромки озера. Каково же было его изумление, когда вдруг, откуда ни возьмись, перед его носом возникло широко улыбающееся лицо с обгоревшим носом и растрепанными волосами, выбивавшимися из-под гигантской панамки.

– Здорово, – рявкнула я бодрым голосом. – Тебе не скучно?

Незнакомец шархнулся от меня как от привидения, и его маленькие темные очки в стиле кота Базилио стали медленно сползать вниз.

– Ну, так как? – продолжила я свое наступление. – Давай знакомиться? Меня зовут...

– Ее зовут Валерия, – задыхаясь от быстрой ходьбы, выпалила Мила. – И ей, судя по всему, сильно нагрело голову. А я – Мила.

Она не к месту зашлась в истеричном хохоте. Незнакомец продолжал молчать, как партизан на допросе.

– Здесь так душно, – Мила неожиданно принялась размахивать у него перед носом своей соломенной шляпой.

– Давайте пройдем в кафе. Там должен быть кондиционер.

– И очень вкусный пломбир, – добавила я и уставилась на незнакомца, как известный удав на кролика.

Тот еще секунды три помолчал, затем что-то сглотнул и, сняв с переносицы, окончательно съехавшие очки, произнес:

– Тимур.

Я вздохнула с облегчением. Контакт с неизвестным ходячим объектом был установлен.

Тимур переехал в Москву вместе с мамой из Сухуми. Отдыхал он тоже с мамой, поэтому ему и вправду было скучно. У него были светло-серые глаза и длинный, с характерной горбинкой нос. Он оказался занимательным собеседником и даже пару раз заставил смеяться до слез.

Мы подружились. Мила была на седьмом небе от счастья. Ей казалось, что Тимур это именно то, что ей сейчас больше всего нужно. Она не отходила от него ни на шаг, всячески стараясь остаться с ним один на один. Через два дня тесного общения с пылким грузином она отвела меня в сторону и выложила начистоту.

– Слушай, он мне нравится, – Мила принялась сосредоточенно тереть кольцо на указательном пальце. – Но мы постоянно ходим вдвоем... Это ненормально.

Она послала в мой адрес взгляд, полный преданности.

Я кивнула головой в знак согласия.

– Ты же все понимаешь... – еще один преданный взгляд. – Не могла бы ты сделать так, чтобы мы оставались с ним вдвоем хотя бы по вечерам? Я уверена, что без твоего присутствия дело пойдет гораздо быстрее. Скажи, что ты не против...

Потрясающе! Оказывается, для того, чтобы завоевать мужчину, необходимо отправить в изгнание свою лучшую подругу. Вот это я понимаю – решение проблемы!

Но, как бы то ни было, я старалась честно соблюдать все пункты нашей с Милой договоренности. Как только наступал вечер, я под каким-нибудь предлогом интеллигентно удалялась, оставляя Тимура на попечение своей неугомонной подруги.

Тимур мне нравился, но не настолько, чтобы я переживала по поводу своего ежевечернего вынужденного одиночества. Я трезво смотрела на многие вещи и понимала, что не стоит форсировать события и вступать в конфликт с Милой из-за мужчины. Подчас события развиваются сами по себе. Если Миле предназначено быть с Тимуром, значит так и будет, а если нет, значит – нет. Когда мужчине нравится женщина, он, вне зависимости от обстоятельств, найдет способ это продемонстрировать.

Как я предполагала, под конец нашей поездки Тимур бегал от Милы кругами.

– Нет, ты только посмотри на этого красавца! – Мила рвала и метала. – Сначала глазки строил, завлекал бедную девушку, а теперь нате вам, носится от меня как марафонец.

– Скорее он бедный, а не ты, – резонно заметила я. – Интересно было бы узнать, чем ты его так напугала. Предложила жениться как честному человеку?

Мила посмотрела на меня, как на ненормальную.

– Это будет последнее, что я ему предложу. И вообще, это ты во всем виновата. Кто тебя просил знакомиться с этим чучелом?

Вот вам и здрастье!

– А кто меня послал арканить этого жеребца? Скажешь, не ты? Все уши мне прожужжала, как он тебе нравится. Испортила мне последнюю неделю отдыха, а теперь я еще и виновата, что твой кавалер занимается забегом на длинные дистанции, вместо того, чтобы ворковать с тобой на лавочке. Хорошенькое дельце!

Мила поняла, что на этот раз она зашла слишком далеко. Она скорчила виноватую гримасу и полезла обниматься.

На следующий день мы уехали. Мила до последней минуты ждала, что Тимур придет попрощаться, но он так и не появился. Успокаивало то, что она заранее успела всучить ему свои телефоны, а заодно и мои. Так, на всякий пожарный. Всю следующую неделю Мила терроризировала меня телефонными звонками с одним и тем же вопросом: «Он не звонил?» Получив в ответ очередное «нет», она успокаивалась ровно на сутки, а затем все повторялось вновь. В таком же ритме прошла еще одна неделя, а затем страсти начали потихоньку остывать, как вдруг...

Однажды вечером в моей квартире раздался телефонный звонок. Я подняла трубку, и на другом конце телефонной линии послышался знакомый голос:

– Привет.

Тимур? И кого только не услышишь в телефонной трубке! Немного смущенный, но из всех сил пытающийся скрыть это обстоятельство, он предложил встретиться на следующий день, чтобы поговорить. Я спросила, звонил ли он Миле, но он сказал, что не звонил и звонить не будет.

Мы встретились в маленьком уютном кафе на набережной. Тимур неплохо выглядел. Благодаря легкому загару его серые глаза казались еще более пронзительными, но в остальном это был тот же Тимур – невысокий худой юноша с приятным грузинским акцентом. Мы заказали по чашечке кофе, и Тимур сразу же решил расставить все точки над «i».

– Ты давно дружишь с Милой? – его вопрос звучал почти дерзко.

– Три года, – я сосредоточенно разглядывала рисунок на своей чашке. – А что, у кого-то есть на этот счет возражения?

Тимур сделал большой глоток и, не спеша, закурил сигарету. Весь его облик говорил о том, что этот человек любит смаковать. Будь то кофе или обычный праздный вопрос.

– Она у тебя какая-то... чокнутая, – он наклонил голову вбок и посмотрел на меня, как смотрит психоаналитик на надоевшего клиента. – Что у вас может быть общего? Вы такие разные.

– Противоположности притягиваются, – мне казалось неэтичным обсуждать тему моих взаимоотношений с Милой. – Да и с какой стати мне перед тобой отчитываться? Насколько я помню, ты ретировался с поля боя, даже не помахав на прощание белым платочком. Ты не считаешь нужным иногда объяснять свои поступки, особенно тем девушкам, за которыми ты ухаживаешь больше трех дней?

Тимур пожал плечами. По-видимому, нет.

– Во-первых, это не я за ней ухаживал, а она за мной, а во-вторых, она меня просто замучила. Я не в состоянии выдерживать больше трех слов в секунду. У нее получается десятка два за это же время. И все эти два десятка слов она говорит таким тоном, словно я какой-то тупица, который в свои двадцать семь никак не может выучить таблицу умножения. Она все знает, обо всем читала, все видела, везде была. Встает резонный вопрос: зачем я ей нужен?

Я не выдержала и расхохоталась. Вот, оказывается в чем причина поспешного бегства. Мила решила надавить на беднягу мозговыми извилинами, но не рассчитала и чуть не раздавила в нем чувство собственного мужского достоинства. Этому мужчины не прощают. Конечно, в нынешнее время глупо отрицать, что женщина имеет право быть умной. Но это не значит, что общение с мужчиной стоит превращать в лекции по естествознанию. Мужчина может простить женщине неприкрытую глупость, но неприкрытый ум женщины для него сродни порнографии. Сначала он от него заводится, но потом становится полным импотентом. Кто встречал довольного своей жизнью импотента, поднимите руки!

Что хочет мужчина?

Мила легко знакомилась. У нее не было комплексов, вроде «неудобно», «а что он подумает обо мне» и т. п. Со мной все обстояло гораздо сложнее. Я не могла заставить себя познакомиться с мужчиной, даже если потом пришлось бы лезть на стенку, стиснув зубы от досады, что упустила свой шанс. Я предпочитала гордо смотреть поверх мужских голов, мысленно проклиная себя за эту привычку. Но, как ни странно, такая манера поведения помогала завоевывать мужчин гораздо эффективнее, чем откровенная навязчивость и доступность. Старая добрая школа поведения женщин в обществе оказалась на редкость результативной. Мужчины клевали на нее довольно охотно, видимо, сказывалась генетическая память поколений.

Мила была другого мнения. Она не ждала милости от природы и надеялась только на свои силы. Она встречала противника с открытым забралом и бросалась в каждые новые отношения с мужчиной, как в последний бой.

На пороге стоял очередной Новый год. По установившейся традиции мы с Милой собирались встретить его вдвоем, или на худой конец с Милиной мамой, братом и собакой. Более разнообразной компании, увы, не предвиделось. Все мои приятельницы разбежались по своим кавалерам, а бывшие кавалеры настолько осточертели, что встречать новый год с одним из них выглядело форменным издевательством.

За два дня до намеченного торжества я предприняла вылазку в близлежащий супермаркет, прихватив с собой Милу и целый ворох пакетов.

Спустя час мы вывалились из магазина, нагруженные продуктами, как два верблюда, отбившиеся от каравана, и медленно двинулись в сторону моего дома. Надо сказать, что погода в этот вечер была сказочной. Снегу выпало много, и ноги по щиколотку проваливались в сугробы. Идти было недалеко, но, учитывая вес пакетов, которые мы с молчаливой безысходностью бурлаков тащили на себе, это «недалеко» казалось таким недостижимым, что на какой-то момент меня охватила настоящая паника. Через десять минут Мила тоже не выдержала и, громко выругавшись, опустила пакеты на землю.

– Нет. Я так больше не могу. Мы сейчас напоминаем голодных немцев под Москвой.

– Почему не французов? – Мое тело под толстым свитером и длинной шубой было мокрым и липким от пота.

– Французы бы никогда не взвалили на себя столько авосек с продуктами.

– Поэтому они и проиграли с нами войну. Бедняги не знали главного: в России принято запасаться.

Мила задрала голову и посмотрела на темное небо.

– Мне бы сейчас любой француз подошел. Даже проигравший. Ты себе не представляешь, как грустно встречать еще один Новый год одной...

В моей душе всколыхнулось легкое возмущение.

– Почему одной? Ты будешь встречать этот Новый год со мной.

– Вот именно, – из груди Милы вырвался вздох. – Ты ведь тоже одна. Одно одиночество плюс еще одно одиночество равняется двум одиночествам и никак иначе.

После недолгих размышлений я была вынуждена согласиться с ней.

– Можно пригласить Тимура. Он тоже в одиночестве, как горный орел на вершине утеса. – Тимур, наверное, сейчас перевернулся бы, узнай, какое сравнение я ему придумала. Кстати, он вчера звонил, спрашивал, устроилась ли ты музыкальным редактором на телевидение. Я сказала, что ничего не знаю о твоих наполеоновских планах. Так ты устроилась?

Мила покачала головой.

– Слушай, почему он тебе звонит? Я с ним, можно сказать, целую неделю разговоры разговаривала, развлекала его хмурое величество на все лады, только что танец живота не исполнила, и после всего он имеет наглость звонить тебе!

– Кто знает, может именно танца живота ему и не хватило?

– Нет, – Мила решительно тряхнула головой. – Раз он бросил меня вот так сразу, даже не потрудившись объясниться, пусть празднует Новый год один.

Мы молча стояли посреди пустой улицы и глазели на звезды. Я подумала, что наверняка где-то есть мужчина, который вот так же стоит сейчас и смотрит на эти самые звезды, вовсе не догадываясь о моем существовании, и вполне возможно, что мы с ним никогда не встретимся. Пройдут годы. Мы проживем свою жизнь с другими людьми, нарожаем детей, возможно, будем счастливы, но так и не отделаемся от мысли, что не встретили друг друга и потеряли единственный шанс попасть в сказку. От этой мысли стало так тоскливо, что на глаза навернулись слезы.

Мила удивленно посмотрела на мое, внезапно намокшее лицо.

– Ты чего это вытворяешь? Плакса несчастная. – Она принялась рыться в сумочке в поисках бумажных салфеток. – Ну-ка прекрати немедленно. Нашла, из-за чего реветь. Подумаешь, не пригласили Тимура! Да кому он нужен? Тоже мне, красавец выискался. Я так и знала, что он тебе с самого начала понравился. Но я же не виновата, что он меня выбрал. Ну-ну... Не переживай. Еще не вечер, найдем тебе нормального мужика, вот увидишь.

И она принялась энергично вытирать мне с глаз слезы, а заодно и всю косметику, остатки которой теперь живописно растеклись вокруг век в виде двух больших синяков.

– Вот так-то лучше, – констатировала она, отбрасывая салфетку в сторону. – Сейчас придем домой, заварим чай с бергамотом, и все как рукой снимет...

– Я с Тимуром встречаюсь... – вдруг не к месту проблеяла я и медленно поплелась по дорожке.

Мила догнала меня через десять секунд.

– Как это встречаешься? – в ее глазах застыла растерянность. – Он ведь в меня должен был влюбиться. Вот козел! Я думала, что... И давно?

– Почти два месяца.

– Потрясающе... – Мила смерила меня взглядом матерого кагэбиста.

– У нас с ним ничего серьезного. Просто разговариваем.

– Вот уж не знала, что секс в нашей стране стал называться «просто разговором». Какой прогресс!

– Но это правда! Мы просто друзья.

– Дружба с женщиной – это противоестественно! – завопила Мина на всю улицу. – Заруби себе это на носу раз и навсегда. Раз у тебя с Тимуром нет физических отношений, значит одно из двух: или он гей, или импотент. Ясно?

– Ясно, – я не к месту икнула.

– Вот и прекрасно. Пошли домой, – Мила окинула взглядом заснеженную улицу. – В ближайшее время английский принц здесь явно не появится, так что ждать больше нечего. К тому же я замерзла и страшно злюсь на тебя из-за всей этой истории.

И, переложив сумки из одной руки в другую, она решительно двинулась дальше.

Мы не дошли до моего дома буквально метров триста, когда нас чуть не сшибла красная «девятка», наглым образом ехавшая по дорожке для пешеходов.

– Что за идиот! – Мила в последнюю секунду успела отскочить в сторону. – Тебе что, глаза снегом залепило? Смотри, куда едешь, болван!

Она стояла, сверкая глазами, тщетно пытаясь откинуть со лба длинную челку.

Автомобиль резко затормозил, и мне стало не по себе. Вдруг сейчас оттуда выйдет парочка отморозков и пристукнет нас прямо здесь, на безлюдной улице? Я робко попыталась оттащить Милу подальше от тротуара, но, похоже, моя подруга разошлась ни на шутку.

– Нет, я хочу посмотреть на этого нахала! – кричала она. – Давай выходи из своего драндулета, а то хуже будет!

Только этого нам и не доставало – схватки с сумками наперевес. Если мы останемся в живых после сегодняшней баталии, то я больше ни за что не пойду в магазин позже семи часов вечера.

Пока я мысленно проклинала эмоциональную вспышку своей подруги, из машины не спеша вылезли два молодых субъекта и с интересом уставились в нашу сторону. Один из них был высокий и худой, словно жердь, а другой, наоборот, маленький и взбитый. Причем у высокого был настолько длинный нос, что его кончик едва не задевал за подбородок. У маленького же лицо было округлым и розовым. Просто младенец какой-то.

Ну и ну, подумала я, оказывается, противоположности притягиваются даже среди представителей одного пола. Эти двое никоим образом не были оскорблены выходкой Милы. Напротив они откровенно веселились, наблюдая, как она, светясь от переполнявшей ее энергии, пыталась вызвать их на дуэль.

– Ты смотри, сколько жизни в этой девушке, – голос высокого звучал слегка надтреснуто. – Еще немного, и она запустит в машину кулек с пирожными.

– Значит, будем ездить на машине с шоколадной глазурью, – маленький с интересом разглядывал пышущую возмущением Милу.

Последняя реплика заставила ее на мгновение сбавить обороты.

– А ты, я вижу, слегка остроумный, – она сверху вниз посмотрела на того, кто был ниже ростом. – Как зовут?

– Миша, – невысокий протянул руку.

– Женщины подают руку первыми, если хотят познакомиться, – фыркнула в ответ Мила и протянула свою.

Зрелище было достойно умиления. Еще немного, и я бы пустила скупую слезу, но в этот момент меня отвлек голос длинноносого верзилы.

– Я – Игорь, но можешь звать меня Гариком, – при этих словах он подарил мне улыбку в тридцать два зуба и нервно потер переносицу.

Я не испытывала страстного желания познакомиться с первым встречным вот так, на улице, да еще после того, как этот встречный чуть не наехал на меня своей грязной машиной. Но что поделать? Приличие обязывало.

– Валерия, – с трудом выдавила я и спрятала руки в карманы шубы.

– Ясно, – кивнул Гарик и последовал моему примеру.

Так мы и простояли, принципиально грея руки в карманах, пока Мила и ее новоиспеченный знакомый мило беседовали о погоде и прочей чуши, о которой принято беседовать в подобных случаях.

В какой-то момент я потеряла интерес ко всему происходящему. Ну что я здесь стою? Пошла бы сейчас домой, заварила чай, забралась с ногами на мягкий диван, включила любимый фильм, а вместо этого я обязана торчать на морозе и изредка кивать головой, чтобы не подумали, что я совсем заледенела.

Наконец беседа исчерпала себя, и Мила засобиралась домой.

– Оставь мне свой телефон, – Миша неуклюже полез в карман джинсов и извлек оттуда помятый листок бумаги.

Гарик протянул шариковую ручку, и Мила быстро начеркала семь цифр в качестве аванса на будущую встречу. Гарик тоскливо посмотрел в мою сторону. Я поняла, что значит, этот просящий взгляд и мотнула головой.

– Извини, но я не расположена к новым знакомствам. Могу посоветовать принимать телепатические сеансы.

– К счастью, я еще не дошел до такой кондиции, – Гарик выглядел расстроенным, но не сдавшимся. – В таком случае, не удивляйся, если завтра утром ты обнаружишь возле своего дома шалаш с походным котелком на огне. Я упорный.

Я пожала плечами. Мужчины часто грозятся что-нибудь сделать, но дальше угроз дело не доходит. Поэтому я была абсолютно спокойна за свой дом. Кстати, на следующее утро шалаша и вправду не было. Что и требовалось доказать.

Мила и Миша встречались уже целых две недели, и это не было рекордом продолжительности отношений. Как правило, все романы Милы длились от недели до трех месяцев, поэтому две недели были вполне безобидным и еще мало значащим сроком.

Пока моя подруга наслаждалась поездками в рестораны и танцевальные клубы, я по-прежнему сидела дома, выходя из своего убежища лишь для того, чтобы поесть или слегка отвлечься в компании старых друзей.

Одним из таких друзей был Гоша. Юноша с мечтательным взглядом и несомненным талантом джазового пианиста. Несколько лет назад Гоша безуспешно ухаживал за мной, но я этого так и не заметила. А может, просто не хотела замечать? Как бы то ни было, но прошло время, и Гоша решил жениться. Он недолго мучился с выбором кандидатуры и повел в загс девушку старше себя, и к тому же ждущую от него ребенка. По-видимому, он решил наверстать упущенное со мной время и осуществить все свои планы одним махом: и жена и ребенок.

– Так получилось, – Гоша смущенно глядел на меня из-под длинных ресниц. – Она неплохая девушка и готовит вкусно...

Последнее обстоятельство было совсем немаловажным, поэтому я была вынуждена согласиться, что Гоша сделал правильный выбор. Вообще-то я готовлю хорошо, но когда живешь одна, желание побаловать себя чем-то вкусненьким уступает элементарной лени. О мытье посуды я вообще умолчу.

Гоша был первым человеком мужского рода, с которым я познакомилась, переехав в этот город. Долгое время Гоша был для меня всем: подружкой, советчиком, спасательным кругом на момент всякого рода неприятностей личного характера.

Как-то, придя домой, я обнаружила под дверью роскошный букет разноцветных роз. Услышав, как я открываю дверь, на порог своей квартиры выползла соседка. Увидев меня в обнимку с букетом, она принялась охать от восторга, а потом рассказала, как совершенно случайно увидела в дверной глазок, как высокий незнакомый юноша сначала очень долго звонил в мою дверь, а потом просто положил букет прямо на коврик и ушел.

К сожалению, никакой записки или даже намек на то, кто это сделал, не было. Меня распирало любопытство. Мысленно я перебрала всех своих знакомых мужчин ростом выше метра восьмидесяти и с подходящей по описанию соседки внешностью, и пришла к выводу, что этим загадочным незнакомцем могут быть только два человека: или Макс, или Станислав. И один и второй пользовались репутацией сердцеедов, и оба меняли представительниц прекрасного пола как галстуки. В этом сезоне мода была на брюнеток.

Я решила действовать напролом. Раскрыв записную книжку и найдя телефон Макса, я без колебаний набрала его номер и поставила вопрос ребром:

– Где ты был во вторник в восемь часов вечера?

Макс не сразу понял, кто свалился с утра пораньше на его голову да еще с таким идиотским вопросом.

– Кто это? – у Макса был сонный голос.

Но мне было все равно.

– Кто, кто... Валерия. Уже стал забывать старых подруг?

На другом конце линии послышался характерный звук. Макс сладко потягивался.
– Как же.... Забудешь тебя. До сих пор помню, как ты мне дала от ворот поворот.

Надо сказать, что я действительно обошлась с Максом не самым лучшим образом. Он был настолько самонадеян, что утомил меня своей персоной уже на четырнадцатом свидании. На пятнадцатое я так и не пошла, а когда он позвонил мне домой выяснить отношения, я была не склонна долго объяснять, почему я с ним расстаюсь. Правда, он попытался надавить на мою «ахиллесову пяту», на жалость, и заныл в трубку, что выбросится из окна, на что я справедливо заметила, что его зад в него не пролезет. На этом все наше общение было завершено. И вот теперь все заново.

– Так что ты делал во вторник в восемь часов вечера? – не унималась я.

Макс хмыкнул и гордо произнес:

– Был в «Метелице» с очаровательной блондиночкой.

Я сразу поняла, что он врет, поскольку блондинки Макса на дух не переносили.

– Ты что, поменял ориентацию?

– Это еще зачем?

– Затем, что, только поменяв ориентацию, у тебя появился бы шанс уговорить ее посидеть с тобой рядом часок-другой. И то для антуража.

– Вот и нет. Она сама предложила провести с ней время.

– Мысленно снимаю шляпу перед этой мужественной особой, – я на секунду представила, как они, должно быть, дополняли друг друга в этот незабываемый вечер! Сладкий пухленький Макс в вечно потертых джинсах, с трехдневной щетиной на круглой физиономии и с торчащими во все стороны жидкими волосешками, и она, ухоженная дамочка с французским маникюром в каком-нибудь стильном прикиде.

Сказка о красавице и толстом чудовище, у которого ко всем его недостаткам еще и рот не закрывается, потому что это чудовище все время что-нибудь да жрет.

– Она только что от меня ушла, – Макс хрюкнул от удовольствия. – Ты знаешь, на ощупь очень даже ничего. Немного костлява, но сейчас они все такие, словно их специально вымачивают перед тем, как использовать по назначению.

– Какой ты все-таки грубиян, – я не выдержала и расхохоталась. – Никому же не приходит в голову обсуждать твой низкий зад.

– Никому, кроме тебя, – в голосе Макса послышалась затаенная обида.

– Да ладно тебе.... Значит, ты не был в моем районе во вторник в восемь часов вечера?

– Не был, – было слышно, что Макс зевает. – Чего я там забыл?

Сказать или не сказать? Я посмотрела на розы и решила, что попытаться стоит.

– Ну.... Например, чтобы подарить мне букет из пятнадцати роз... – мой голос предательски дрогнул.

Макс ответил не сразу.

– Ты за кого меня принимаешь? – похоже, что на этот раз Макс окончательно проснулся. – С какой стати мне дарить тебе пятнадцать роз после того, как ты столь нелестно отозвалась о моей пятой точке?

– Да к лешему твои точки! – взбунтовалась я. – Скажи прямо: это ты принес мне розы или нет?

– Нет! – гаркнул Макс.

– Тогда говорить больше не о чем, – и я со всего размаху бухнула трубку.

Тоже мне, мистер задница! Я ему о розах, а он мне о всякой ерунде.

Следующий в списке стоял Станислав. О, это был особый мужчина. «Шедевр», как любовно называли его многочисленные поклонницы. Правда, на мой взгляд, у этого «шедевра» было два недостатка. Он был «ударником» не только по профессии, но и в личной жизни,

и выполнял план по соблазнению дурочек всех мастей стахановскими темпами. Его внешний лоск и умелый подход к женщинам делали свое черное дело. Женщины так и кишели около него, словно развороченный улей.

Кроме всего прочего, Станислав прекрасно пел. Ну что еще надо для слабых девичьих мозгов?

Я знала, что подступиться к этому «божеству» практически невозможно. Ревностные жрицы разорвали бы меня на мелкие клочки, стоило только появиться на горизонте этого светила, поэтому я решила для себя сразу: цветы мне Станислав не дарил. На этом и успокоилась.

Уже потом, спустя несколько лет, Гоша признался, что это он принес мне тот злосчастный букет, но постеснялся признаться в своем поступке. Мы вместе повздыхали, сидя на подоконнике в подъезде, и я поняла еще одну важную истину: иногда то, о чем ты мечтаешь, оказывается настолько близко, что ты этого попросту не замечаешь, и в погоне за бесплотной фантазией теряешь самое главное – людей, которые по-настоящему тебя любят.

С тех пор как Гоша женился, мы стали видаться реже, но общались с тем же теплом, как и раньше. Поэтому, как только Мила завела роман с Мишей, я позвонила Гоше, и мы встретились с ним в кафе на Пушкинской.

– Снова проблемы? – Гоша выглядел несколько уставшим.

– Нет. Зато, похоже, у тебя они есть, – к его приходу я успела заказать апельсиновый сок с мякотью и две чашечки капучино.

– И не говори... – Гоша устало опустил на стул. – То одно, то другое. Голова кругом...

– А ты как хотел? Семейная жизнь – это тебе не аттракцион в парке, где покатался, получил удовольствие и пошел дальше.

– Точно. Это нескончаемое «чертово колесо».

Неужели все так плохо? Я посмотрела на Гошу и вдруг поняла, что в его глазах не хватает тех искорок, которые еще не так давно придавали его взгляду очаровательную веселость.

– Да что с тобой происходит, в конце концов?

Гоша тускло улыбнулся и потянул сок через трубочку.

– Она меня постоянно ревнует.

– Кто? Жена?! – я не верила своим ушам. Ревновать такого положительного во всех отношениях мужчину, как Гоша? Чуть ли не какая-то. – И у нее есть серьезный повод?

– К сожалению, нет. Кому я нужен с таким якорем за плечами?

– Ну-ну... Зачем себя топить раньше времени? – я не могла и представить, что когда-нибудь буду утешать Гошу по такому поводу. – Семья еще не пожизненное заключение.

– Для кого как. – Гоша действительно выглядел расстроенным. – С тех пор как мы поженились, моя жизнь превратилась в постоянную обязанность что-нибудь делать. Я уже не могу, как раньше, просто посидеть и поиграть на рояле. Это рассматривается как преступление перед семьей, как акт преднамеренного неуважения, в то же время моя супруга может часами трепаться по телефону, обсуждая личную жизнь своих подруг. Кто от кого ушел, кто с кем переспал и все в таком духе. Это несправедливо!

– Полностью с тобой согласна, – я подозвала официанта и заказала кусок яблочного пирога. – Попробуйте вместе обсуждать проблемы ее подруг. Вдруг через это увлекательное занятие вы, наконец, найдете общий язык? Представляешь, каждый вечер у вас новая тема для разговора! Этим может похвастаться далеко не каждая семья-долгожитель.

– Чтобы я так низко пал?! – подпрыгнул Гоша. – Никогда!

Ну, конечно! Какой мужчина признается в том, что не менее активно перемывает косточки своим подружкам в кругу закадычных приятелей! Это почти так же заманчиво, как посидеть за кружкой пива и посмотреть по телевизору, как группа вспотевших, обозленных мужиков пинает один единственный мяч.

Не понятно, почему мужчины так боятся, что вдруг обнаружится их любовь к сплетням? Ведь они делают это даже более охотно, чем женщины. Или они думают, что это открытие опустит в глазах слабого пола их репутацию? Очевидно, так и произойдет, но разве еще один выявленный мужской недостаток сможет нам помешать любить их?

Пока я с наслаждением поела сочный яблочный пирог, воздух огласил истошный вопль автомобильного клаксона. Я машинально дернула головой, и к своему удивлению, увидела Милу, вылезавшую из красного «форда». Она была, как всегда, безупречна. Лениво покачивая бедрами, она вошла в кафе и приблизилась к нашему столику.

– Не помешаю? – она игриво подмигнула Гоше, но на него это не произвело никакого впечатления. С таким же успехом можно было строить глазки Юрию Долгорукому, а еще лучше, чтоб наверняка – его коню. Но Милу такое откровенное безразличие ничуть не смутило. Она плавно приземлилась на свободный стул и легким взмахом руки подозвала официанта.

– Мне двойной эспрессо и кусочек терамису. Да... И прихватите пачку мальборо лайт, – она закинула ногу на ногу и вызывающе посмотрела по сторонам. – Ну и место вы выбрали... – В ее глазах читалось разочарование. – Ни одного мало-мальски симпатичного лица.

– Ну вот, – пробурчал Гоша. – Я же говорил... Меня в упор никто не видит.

Мила закурила и выпустила в его сторону колечки дыма.

– Почему же? Тебя я сразу заприметила. У тебя весь семейный альбом на лбу наклеен. От загса до подгузников.

Гоша язвительно скривил губы.

– Зато у тебя на лбу ничего не отпечталось. По всей видимости, редкая мысль в состоянии прилепиться к этой плоскости.

– Очень свежо, – Мила наморщила нос и уставилась поверх Гошиной головы.

– Где ты была? – я попыталась хоть как-то разрядить накалившуюся обстановку. – Выглядишь замечательно.

– Положение обязывает, – томно протянула Мила и выпустила новую партию дымных колечек. – В пять часов я встречаюсь с Мишей, и мы идем в «Амбассадор».

Гоша хмыкнул.

– «Амбассадор»... Почему не «Макдоналдс»? Цены ниже, а удовольствие то же.

Гоша, как ребенок любил «Макдоналдс» и тщательно скрывал эту любовь от друзей, боясь, как бы они не подняли его на смех. Поэтому в «Макдоналдс» он ходил исключительно один, ну, или изредка со мной. На меня тоже, время от времени налетало страстное желание затолкать в рот горячее «филе о фиш» и запить его кока-колой. Поэтому, когда у нас было время, мы созванивались и шли «травиться», как говорила моя бабушка.

Как-то раз мы сидели с ним в «Макдоналдс» на Тверской и с аппетитом уплетали за обе щеки, как вдруг Гошу окликнул властный женский голос. Гоша вздрогнул, как заяц, у которого над ухом выстрелило охотничье ружье, и от испуга уронил на пол пирожок с вишней. Поднять его он так не успел, потому что в следующую секунду над нашим столиком грозовой тучей нависла упитанная девица с жиденьким хвостиком на затылке и с молниями в маленьких темных глазках. Она смерила меня взглядом голодной анаконды, затем перевела его на Гошу и прошипела:

– Вот, значит, где ты репетируешь?

Я никогда не видела Гошину жену, но мое недремлющее шестое чувство в который раз оказалось на высоте: это действительно была Гошина вторая половинка или, если измерять его семью в иных размерах – его две третьих.

Я попыталась нанести на свое лицо немного доброжелательности, но, увы, оно не выдержало палящего взгляда возмущенной супружницы и тотчас растаяло.

– Здравствуйте, – мое приветствие получилось каким-то измученным. – Хотите клубничный коктейль?

Лицо Гошиной жены странно передернулось.

– У меня от него изжога, – буркнула она и с шумом рухнула на близстоящий стул. – Я не пью никакие коктейли и Гоше не позволяю. У него нежный желудок.

– Надо же... – в моей памяти всплыла недавняя картина поглощения Гошей трех гамбургеров разом. О какой нежности желудка она там говорит?

Гоша виновато захолопал ресницами и попробовал взять жену за руку.

– Ты сегодня немного нервная... – участливо проблеял он, робко подтянув к себе благоверную. – Что случилось у моего котика?

Котика?! Я не верила своим ушам. Он называет вот эту здоровенную бабищу «котиком»?! Ну, знаете ли...

– Ты ничего не понимаешь в мужчинах, – объясняла мне Мила, после того, как я в красках описала картину примирения Гоши с женой. – Одним нужны стервы, другим покладистые домработницы, а третьим просто необходимы суровые «мамочки», чтобы шлепать своих детишек всякий раз, как только они в чем-нибудь провинятся. Очевидно, твой Гоша относится именно к третьему подвиду мужского рода.

Я никогда не задумывалась над тем, к какому подвиду относится тот или иной мой знакомый, но после этого случая я стала замечать, что действительно у большинства молодых мужчин есть четкое определение того или иного типа женщины. Эта – стерва, та – мымра, третья – пустышка. Четвертая, возможно, даже ничего, но, увы, и по ней Голливуд не рыдает... Откуда же знать нашим мужчинам, что для того, чтобы найти подходящую женщину, необходимо время и желание искать. Как правило, ни того, ни другого у них сроду не водилось. По молодости многие из них предпочитают хватать первое, что само идет в руки, из чего и формируется в дальнейшем их богатый жизненный опыт. Ошибки с предыдущими женщинами они с легкостью переносят на свои последующие связи, и однажды выработав для себя единственно верную, как им кажется, линию поведения, они придерживаются ее всю свою жизнь. Женщины это быстро усвоили и теперь платят им тем же. Короче, полное «взаимопонимание».

Мила достала сигарету и уже собиралась закурить, но тут в кафе вошел Гарик. Он был не один. С видом заправского дрессировщика он вел за руку высоченную брюнетку с короткой стрижкой и яркой красной помадой на больших пухлых губах.

– М-м-м... – Мила сквозь прищур рассматривала пассию Гарика. – Хорошо еще, что он ее выгуливает далеко от дороги, а то бы все машины встали как вкопанные. Ты гляди, какой светофор идет. Как ты думаешь, это цвет Кристиан Диор или Ив Сен-Лоран?

Не успела я ответить, как Мила уже окликнула Гарика и взглядом пригласила его присоединиться к нам.

Ну что за манера вот так запросто портить друзьям настроение?

Гарик нисколько не смутился, что я увидела его в компании с другой, и очень мило представил свою спутницу:

– Знакомьтесь, это Кристин.

Наверно, я бы искренне удивилась, если б у нее было иное имя, например: Татьяна или там Светлана. Конечно же, только так: Кристин. На западный манер. Хотя, бьюсь об заклад, дома ее все равно кличут по-нашенски: эй, Кристьяка!

Девушка оскалилась, словно у нее все лицо свело судорогой, и еще крепче вцепилась худенькой лапкой в Гарикину руку.

– Он не боится, что эта птичка его поцарапает? – Гоша наклонился к моему уху ровно настолько, насколько позволяло приличие. – Гляди, какие у нее когти.

Я перевела взгляд на руки Кристин и искренне порадовалась, что еще есть женщины, которые уделяют своим ногтям больше внимания, чем своим мозгам. В принципе это было объяснимо, поскольку ногти всегда на виду, а отсутствие мозгов можно скрыть под новой модной прической.

Итак, вот он, современный эталон женской красоты, навязанный нам западными дизайнерами и стоящий сейчас передо мной во всей своей красе: двухметровый скелет, обтянутый зажатой под искусственным солнцем солярия, кожей. Распухшие от косметических инъекций губы, цвет лица неопределенный, глаза голодные, зубы вставные, грудь либо напрочь отсутствует, либо наполнена силиконом до треска в хирургических швах.

Бедные русские женщины с их извечной красотой. Где ваши мягкие, округлые линии бедер? Где естественная бледность кожи? Что с вами сделали эти любители полумальчиков-полудевочек? Индивидуальность, как дурной тон. Все должны быть одного размера, одного роста, как те «двое из ларца, одинаковых с лица» из детской сказки.

Тем временем Гарик усадил свое сокровище прямо напротив Милы, а сам расположился возле Гоши, чему тот явно не обрадовался, но что поделать?

– Интересно, как порой происходят встречи, – томным тоном завел свою шарманку Гарик, обращаясь к Миле и искоса поглядывая в мою сторону. – Я и не думал, что увижу здесь знакомые лица.

– Это центр города, и встретить знакомые лица тут один к трем. – Гоша никак не мог оторваться от созерцания ногтей Кристин. – Не мешают? – Он участливо посмотрел на Гошину спутницу.

– Что именно? – голос Кристин напоминал звучание виниловой пластинки на медленных оборотах.

– Ну... – Гоша замялся. – Наверно, приходится много ухаживать за таким произведением искусства. – Он кивнул на ее маникюр.

Кристин придирчивым взглядом прошла по своим рукам и устало выдохнула:

– Я привыкла.

На Гошином лице появилось выражение неподдельного уважения.

– Ну-с... – Мила явно была настроена переменить тему. – Чем занимался всю неделю наш плейбой Гарик?

– Искал подходящие ветки для шалаша, – вставила я ехидным тоном. – Нельзя же строить из чего придется. К вопросам строительства нужно подходить обстоятельно.

– Гарик не говорил, что строит шалаш, – оживилась Кристин. – Как романтично...

– И не говорите! – с воодушевлением отреагировала я. – С тех пор как Гарик взялся за возведение этого девятого чуда света, мне стало ради чего жить. Все жду – когда же он завезет ко мне во двор первую партию стройматериалов?

– Судя по темпам его строительства, ты будешь жить вечно, как Ленин. – Мила сладко затаилась и сквозь прищур глаз посмотрела на виднеющиеся вдалеке кремлевские башни.

Гарик тихо закудахтал.

– Ничего смешного, – меня так и распирало сказать этому костлявому верзиле все, что я о нем думаю. – Знаете, Кристин, – я указала глазами на Гарика, – если мужчина не в состоянии построить даже шалаш, зачем он вообще тогда нужен?

Кристин благодарно улыбнулась. Женщине всегда приятно, когда ее персону приподнимают над персоной ее спутника, пусть даже по пустякам.

– Гарик много чего обещает. Только я не помню, чтобы он хоть что-нибудь из этого родил на свет, – протянула она в ответ.

– Рожать – не мужское призвание, – авторитетно сказала Мила. – Вот обещать, это другое дело. Женщине, если так посудить, нужна самая малость: если мужчина что-либо обещает, он должен это выполнить. И никакие отговорки вроде «извини, не получилось», «не успел», «было много работы», «что, ты сама не можешь сделать?», «я и без того устаю, как собака» и т. п. всерьез не воспринимаются. Обещал Гарик построить Валерии шалаш и не построил. Понятно, что этот шалаш ей нужен, как козе баян. Во дворе и так полно всякого хлама. Но это дело принципа. Гарик захотел произвести на нее неизгладимое впечатление. Поиграть в рыцаря, так

сказать. Ну и доигрался. Теперь Валерия знает, что этот рыцарь только и может, что латами греметь...

Гарик понял, что сегодня не его день, и, схватив Кристин за худые ручки, поволок ее прочь от нас с неприличной скоростью.

– Боится, что мы нарушим ее умственную девственность, – Мила с усмешкой наблюдала, как Гарик с трудом заталкивает свою спутницу в такси, пытаясь компактно разместить ее конечности на заднем сиденье.

Вскоре за Милой приехал Миша и повез ее кормить ужином, а я попрощалась с Гошей и отправилась домой на самом быстром транспорте в Москве – на метро.

Засыпая, я еще долго представляла себе Кристин. Как Гарик долго и нудно объясняет ей, какие мы балбесы, и что история с постройкой шалаша была просто невинной шуткой, которую раздули до конфликта полов мирового масштаба. Что ж, пусть будет так. Если это успокоит бедняжку, я буду рада, что хоть что-то Гарик все же родил, даже если это «что-то» на самом деле всего лишь жалкая попытка оправдаться.

Мужчины никак не могут взять в толк одну простую истину, что женщина по своей природе, благодатная почва. Что посеешь на ней, то, как говорится, и пожнешь. Стервами не рождаются. Стервы воспитываются в тесных мужских коллективах, поэтапно проходя одно унижение за другим, глотая обиду за обидой, пока, наконец, не приходит время «Ч». И вот тогда из кокона, которым все это время была окутана женщина, на свет появляется... Нет, не бабочка. Это было бы слишком по-мужски. Чудовище появляется. Циничное и хладнокровное существо, несущее разрушение в благополучный и, как это кажется поначалу, незыблемый мир мужчин.

Елена Прекрасная, или испорченные праздники

Однажды моя приятельница Женя пригласила нас с Милой в гости, на день рождения своего мужа. Предполагалось, что это будет ужин, на который придут лишь близкие друзья. Мы собрались на даче Женькиных родителей около пяти часов вечера, в предвкушении чудесной вечеринки. Было лето, погода стояла жаркая, и все гости уютно разместились на свежем воздухе. Женя то и дело сновала туда-сюда с горой тарелок и салатницами, до краев наполненными любимым винегретом, а на другом конце сада ее муж энергично справлялся с готовкой шашлыка.

Женя вышла замуж слишком рано для того, чтобы хорошенько разобраться, насколько ей это было необходимо. Просто в один прекрасный день она решила взять судьбу за рога и познакомилась в метро с человеком, с которым не долго думая обменялась обручальными кольцами. Ее супруг был чертовски симпатичным мужчиной со звучным именем Александр. Естественно, у него были некоторые недостатки, как, впрочем, у каждого чертовски симпатичного молодого человека. Один из этих недостатков назывался «популярность среди представительниц слабого пола». За ним толпами увивались девушки, что не без основания бесило его жену, и всякий раз, когда он задерживался после работы, она еле сдерживала себя, чтобы не устроить ему допрос с пристрастием. Женя пошла ради мужа на беспрецедентные жертвы. Она научилась готовить и вязать, перестала посещать институт и даже ходить на дискотеки, что, как выяснилось со временем, не дало тех грандиозных результатов, на которые она наивно рассчитывала.

– Он меня любит, я уверена, – повторяла она вновь и вновь, как заклинание. – Просто у него своя манера выражать чувства.

– Ага, – соглашалась я. – Только его выражение чувств подозрительно смахивает на равнодушие.

Как правило, на этом месте нашего спора Женя старалась замять тему и переключалась на проблемы в институте.

Александр оказался эгоистичным типом. Поведение Жени с ее болезненным желанием уступить ему в каждой мелочи все больше и больше разбалтывало его. Он словно мстил ей за то, что его «окольцевали», что он достался ей слишком легко, в полупустом вагоне метро, между станциями «Маяковская» и «Театральная».

В тот вечер, на даче, Женя старалась быть на высоте. Стол до того был заставлен салатами, закусками, всевозможными канапе, соленьями и бог знает, чем еще, что Мила не выдержала:

– Скажи, Женя всегда готовит поваренную книгу целиком?

– Не всегда. Иногда она не успевает взбить крем к заварным пирожным на пятьсот пятой странице. – Я тоже никак не могла взять в толк, как Женька умудрилась превратиться из девчонки-сорванца в вкочущую курицу?

Вечер был в самом разгаре, когда около ворот остановился белый БМВ. Александр подскочил, как ужаленный и рысцой потрусил к калитке. Я повернулась к Жене, чтобы о чем-то ее спросить, как вдруг заметила, что ее лицо превратилось в древнегреческую маску ужаса.

– Эй... – Я осторожно коснулась ее плеча. – Очередной соус подгорел?

Женя ничего не ответила, но в ее глазах показались слезы.

Ее немигающий взгляд был устремлен на приближающуюся пару. Надо сказать, что зрелище того стоило. К нашему столу, с невероятно довольным видом, шел Александр, держа за руку молодую особу в коротеньком узком платьице, которое смотрелось на ее плоской фигуре, как чехол на зонтике. Гостья явно недооценила свою способность к устойчивости,

надевая шпильки, высота которых грозила незамедлительным переломом обеих нижних конечностей, вследствие чего ее кривые ножки каждые пять секунд предательски подкашивались.

Но Александр был на седьмом небе от счастья. От радости его физиономия светилась в глубоких сумерках, точно лампочка Ильича.

– Как он мог... – Женя опустила глаза. – Пригласить эту... в дом моих родителей?.. Гад такой!

Тем временем Александр не без труда довел спотыкающуюся гостью и, торжественно выставив ее на всеобщее обозрение, возвестил:

– Смотрите, кто к нам приехал! – В его голосе было столько же энергии, сколько бывает в голосе воспитательниц детского сада, когда они пытаются внушить карапузам, что к ним пришел настоящий Дед Мороз. – Это Елена. Наша давняя знакомая.

– С каких пор эта потаскушка стала «нашей»? – Женя с ненавистью уставилась на вновь пришедшую.

– Женя, не сиди, как приклеенная, приглашай гостью к столу, – Александр послал жене взгляд, полный упрека. – Еще станут говорить, что моя жена негостеприимная хозяйка.

На Женьку было больно смотреть. Она подарила Елене такую улыбку, что меня мороз продрал по коже. Той тоже стало не по себе. Женькина «улыбка» раз и навсегда показала нахалке, что в этом доме гостеприимство на нее не распространяется.

После череды долгих извинений Елена все же села за стол. Александр быстренько смотался под предлогом посмотреть, не подгорел ли шашлык, оставив гостью, как он выразился, на «попечение» дорогой супруги. С таким же успехом можно было попросить лису присмотреть за зайцем. Но, увы, мужчины, которые привыкли совершать глупые поступки, порой слишком увлекаются этим процессом. Со временем их становится все труднее убедить в том, что они остались, пожалуй, единственными на этом свете, кто продолжает искренне верить в собственную смелость и находчивость.

Тем временем мы с Милой почти с профессиональным интересом принялись разглядывать Женькину соперницу.

Если я скажу, что перед нами сидел экземпляр откровенного провала в бесперебойной работе природы-матушки по воспроизведению человеческих особей женского пола, я не скажу ровным счетом ничего. Как говорится, и на старуху найдется проруха. И надо ж такому случиться, что передо мной сидела та самая проруха!

Лицо девушки было явно длиннее, чем было задумано с самого начала, словно какой-то неумеха решил приладить к первоначальному варианту оставшийся от основной работы материал в виде непропорционально узкого подбородка. Ну, в самом деле, не пропадать же добру! Теперь благодаря его бережливости лицо юной леди скорее напоминало по форме молодой, только начинающий созревать кабачок. Сильный, темно-коричневый загар несколько скрашивал общее впечатление от неординарной внешности гостьи, но, к сожалению, солнце не косметический хирург, и исправить кривизну ног и зубов прекрасной Елены не входило в его компетенцию.

– Как все изменилось на этом свете, – горестно вздохнула Мила, с тоской глядя на пассию Александра. – В древние времена, Парис повесился бы от одного взгляда на такую красавицу.

– Думаю, если бы древняя Елена была похожа на нынешнюю, Троя бы по сегодняшней день стояла целой и невредимой, – резонно заметила я. – Получается, что все зло от красоты.

– Все зло от глупых мужиков, – фыркнула Мила. – Это они не знают, что делать с нашей красотой.

– Зато мой муж слишком хорошо это знает, – подала голос Женька. – Извращенец. Он сознательно выбирает уродов, место которых в кунсткамере.

Я хотела было возразить, что внешняя красота сама по себе не так уж и ценна, что в человеке важна душа и всякое там такое... Но когда я поймала на себе пристальный взгляд малень-

ких водянистых глазок Елены, полных желчи и злости, я мигом передумала. Порой намного честнее быть просто красивой дурочкой, чем уродливым хитрым монстром.

В сердцах Женька поведала нам с Милой, что Александр обхаживает это чудище вот уже несколько месяцев, а все началось с того злосчастливого дня, когда он с приятелями решил пригнать из Германии подержанную иномарку. Мечта об иностранном авто затмила все на свете, а уж тем более долгожданный совместный отдых с супругой.

– Мы же так ждали этого лета... – с надеждой в глазах канючила Женька, стоя у плиты и мешая борщ. – И вот нате вам, пожалуйста... А как же я?

Как женщины любят задавать риторические вопросы! В глазах Александра вспыхнуло раздражение.

– Поедешь к родителям на дачу, – отрезал он и уставился в окно. Ему сейчас было не до Женьки с ее претензиями. Отдыхать ей, видите ли, приспичило! Теперь хоть машина в семье приличная заведется, а то с этими женскими фантазиями сплошные убытки!

Женьке ничего не оставалось, как украдкой смахнуть слезу и накрыть на стол. Вечер был испорчен, впрочем, как и все последующие вечера, поскольку муж стал приходить домой поздно, объясняя, что ему кровь из носу нужно посидеть с ребятами за бутылочкой пива и хорошенько обмозговать маршрут предстоящего путешествия. По прошествии десяти вечеров Женьке стало очевидно, что процесс «обмозговывания» слишком затягивается. Она не хотела обострять обстановку, поэтому молча закипала на кухне наперегонки с электрическим чайником.

Наконец настал день долгожданного отъезда. Рано утром у Женькиного дома собралось шесть человек с большими спортивными сумками. В четырех из них Женька признала приятелей мужа, пятый был ей незнаком, а вот шестой член российско-германской автомобильной экспедиции поверг ее в транс. Оказывается, с ними ехала девушка! Причем одета она была довольно интересно, учитывая, что ребятам предстояло отправиться не на остров Баунти, а за машинами по пыльным и довольно грязным колдобинам, называемыми в России дорогами. На барышне был короткий топ, едва прикрывающий зачатки груди, и не менее короткие шортики, откровенно демонстрирующие прямо противоположное место. «Не фигура, а один большой сообщающийся сосуд, – подумала Женька. – С одного места убыло, в другое столько же прибыло»

– ЭТА тоже едет за машиной? – краснея от возмущения, выдохнула она в лицо мужу. Как ее посмели так по-дурацки провести? – Или она у вас для поддержания морального духа?

Александр с силой схватил жену за руку и оттащил в сторону:

– Прекрати немедленно! Ты позоришь меня перед друзьями!

– Скорее ты позоришь меня перед друзьями! – не сдавалась Женька. – Чья она любовница?

– Ничья. – Александр скорчил гримасу, словно у него внезапно разболелся зуб. – И вообще, я думаю, что тебе стоит поехать куда-нибудь отдохнуть. Отвлечешься, проветришь мозги...

– Это тебе не мешает кое-где проветрить! – Женька вырвала руку и плача убежала домой.

Александр не стал ее догонять. Он давно привык, что ему все прощается. Пройдет время, и она сама придет к нему и даже попросит прощения за сегодняшнюю выходку. Женька, сама того не желая, превратила собственного мужа в злого избалованного ребенка.

Спустя неделю Женька потащила меня в туристическое агентство покупать путевку в Грецию. К сожалению, надежды Александра на то, что Женька проветрит мозги, обрушились, не успели мы сойти с трапа самолета. Женька не только не проветрила свои извилины, но и под завязку забила мои.

Ни знойные красавцы «аборигены», ни чистое море, ни яркое солнце были не в состоянии составить достойную конкуренцию одному-единственному мужчине, которому выпала судьба стать Женькиным мужем.

Женька страдала. Ей мерещились картины одна страшней другой. То ее ненаглядный изменяет ей с другой, то попадает в автокатастрофу, то одно и другое одновременно. Она как заведенная бегала к телефону-автомату и, набирая заветный номер, мысленно просила судьбу не читать ее мысли. На пятый день непрерывной беготни между отелем-пляжем-телефоном-пляжем-отелем, Женька все же умудрилась познакомиться с мужчиной.

Петер был местным жителем, проводящим отпуск в одиночестве, так как греки не ездят в Афины со своей колонной, как русские в Тулу со своим самоваром.

После двух-трех настойчивых звонков в наш номер Петер вырвал у Женьки обещание встретиться с ним вечером в неформальной обстановке, то есть на пляже.

– Может, ты пойдешь вместо меня? – Женька без настроения теребила разложенную перед собой косметику. – А я пока сбегаю позвонить....

– Нет уж! – отрезала я решительным тоном. – Мне надоело поддерживать в тебе азарт безумного телефониста. Иди и наслаждайся. Знаешь, южный закат, волны, все это как нельзя кстати для твоих больных нервов. Глядишь, и успокоишься.

– Как ты не понимаешь? – Женька решила выложить свой главный козырь. – Ведь если я встречу с этим красавцем, то это будет почти изменой!

В итоге из всех достопримечательностей в Греции мне больше всего запомнилась телефонная будка, из которой Женька не вылезала часами, тщетно пробуя дозвониться своему ненаглядному.

Позже выяснилось, что где-то между Берлином и Минском у Александра разгорелся такой роман с этой Еленой, что вместо трех дней, отведенных по плану на обратный путь, эта страстная парочка мастерски уложилась в пять, причем понятие «уложилась» я употребляю здесь в известном смысле. Самое интересное, что Александр в своей безнаказанности дошел до откровенного хамства. Оказалось, что он вовсе не считал нужным скрывать, что пять дней подряд испытывал ходовые характеристики Елены, а не свежее-приобретенной иномарки.

И вот теперь он приволок свою любовницу на дружескую вечеринку. У Женьки было такое чувство, что ее вывалили в грязь и выставили на всеобщее обозрение.

– Ну, чем я хуже ее? – судя по всему, Женьке просто нравилось терзать себя глупыми вопросами. – Что она делает такого, чего я не могу?

Мила допила третий бокал шампанского и со стуком поставила его на стол.

– Все! Мне осточертел этот плач славянки! – Она с мрачным видом уставилась на всхлипывающую подругу. – У твоего мужа не только совести нет, у него отсутствует элементарный вкус! А это, дорогуша, страшней, чем дюжина грязных носков, рубашки с губной помадой и запах изо рта по утрам. Если твой, извини за прямоту, козел жрет все, во что тычется мордой, то он и есть самый настоящий козел, а никак не гурман, каким он себя здесь выставляет!

– Но... – Женька от неожиданности раскрыла рот.

– Никаких «но»! – голос Милы приобрел командный тон. – Любая другая на твоём месте уже давно послала бы этого урода вместе с его принцессой туда, откуда никто еще не нашел достойного выхода. Но ты все терпишь! Хочешь, чтобы тебя канонизировали, как святую Евгению? Давай! Если тебе нравится так жить, ради бога, наслаждайся, никто на такой кошмар все равно не позарится. Только сделай всем одолжение, в следующий, стотысячный раз, когда тебе вздумается жаловаться на извращения своего красавца мужа, прежде застрелись, потому что другого выхода из этой ситуации я просто не вижу!

Мила в сердцах бросила салфетку на стол и уверенным шагом направилась к воротам. Мне страшно не хотелось оставлять Женьку в одиночестве, особенно после всего сказанного,

поэтому я быстренько плеснула ей в стакан воды и под предлогом, что мне надо взять на кухне успокоительное, ринулась догонять Милу.

– Ты совсем рехнулась? – я нагнала ее уже у самой машины. – Как можно было так разговаривать с Женькой? А если она сейчас на себя руки с горя наложит?

– Не наложит. – Мила нервно закурила. – У нее этого горя сверх башки каждый день. Как видишь, жива – здорова. Наверно, иммунитет выработался. Как у тараканов на яд. Ты их травишь-травишь, а они размножаются и в ус не дуют.

– Только Женька ведь не таракан... – я наблюдала, как наша подруга с понурым видом сидит на том самом месте, где мы ее оставили, и немигающим взглядом смотрит в одну точку, и вдруг почувствовала раздражение оттого, что никто из нас не в состоянии ничего изменить. Женька должна сама понять, что любить человека вовсе не означает позволять этому человеку унижать себя.

Я пошла на кухню, как обещала, и принесла валокордин. Женька залпом выдула тридцать капель залпом и сразу обмякла. Я поискала глазами Александра, но его нигде не было видно, впрочем, как и Елены, поэтому мы с Милой, недолго думая, взяли Женьку и отвезли в Москву. На следующий день Александр, как ни в чем не бывало, явился домой, но его там уже никто не ждал. Женька переехала к родителям. Через месяц они развелись.

Зависть Родена и горе Пигмалиона

Как-то раз Женька позвонила мне и сообщила новость: объявился ее давний знакомый, который ко всему прочему являлся крестником ее родителей. На мой вопрос, при чем тут я, Женька принялась взахлеб описывать мне его экстерьер в таких красках, что я поневоле представила себе Роденовского Давида, только что сошедшего с пьедестала.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – в самом деле, было непонятно, какое отношение имеет моя скромная персона к явлению подобного чуда.

– Как зачем? – в голосе Женьки послышалось искреннее недоумение. – Хочу тебя с ним познакомиться.

Вы когда-нибудь могли себе представить, что ваша подруга, будучи сама в поиске идеального мужчины, стремится познакомиться вас с Аполлоном?

– Почему сама не берешь такое «добро»? – я попыталась нащупать хоть какую-нибудь шероховатость в столь выгодном предложении. «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Женька засопела в трубку и нехотя произнесла:

– Понимаешь... Он мне как родственник. А с родственниками, хоть и дальними, спать как-то не очень...

– Это почему же? – я решила немного ее позлить. – Неужели родственники могут быть хуже тех неандертальцев, с которыми мы знакомимся, где попало?

Женька плюнула и рассказала душераздирающую историю о том, что этот новоявленный родственник, помимо редкой мужской красоты, обладает еще одним качеством – страстным желанием продемонстрировать эту красоту как можно большему числу ее почитательниц. Поэтому он морально не готов на длительные отношения с одной и той же женщиной. Он спешит нести красоту в массы.

Ну, что я говорила? В каждом наливном яблочке, как правило, сидит свой червячок.

– И ты хочешь познакомить меня с этим массовиком-затейником? – я не верила своим ушам. – Вот уж не знала, что ты настолько хорошо ко мне относишься.

Женька принялась оправдываться, что, мол, ничего такого она не хотела, просто предложила мне поразвлечься, поскольку я сейчас все равно одна и все такое прочее.

– К тому же, – продолжала она гнуть свою линию, – разве не приятно провести время с по-настоящему красивым экземпляром? Эстетика в отношениях не последнее дело.

Ну, ты смотри, что делается! Теперь к известному месту эстетику приплели.

– К твоему сведению, ты бессовестно отстала от жизни. У меня уже есть один экземпляр. Конечно, такими выставочными данными он похвастаться не может, зато что касается интеллекта, он неподражаем. И по знаку зодиака он Лев, а со Львами у меня всегда полное взаимопонимание. А под каким знаком зодиака появился на свет твой протеже?

– Стрелец.

– Не люблю Стрельцов, – я не могла вспомнить ни одного мужчину-Стрельца, с которым бы у меня не возникло проблем. – У них столько стрел, что они порой не знают, куда их девать, вот и стреляют куда попало. Да и с меткостью у них неважнецки...

Не так давно у меня был случай с одним моим знакомым. Дима был чертовски привлекателен и ухаживал за мной весьма оригинально. Встречаясь со мной, он успевал крутить роман с девчонкой из соседнего подъезда, морочить голову какой-то начинающей актрисе из Вахтанговского театра, при этом всем клялся в неземной любви и чувствовал себя на миллион долларов. Я быстро раскусила его чудную манеру общаться с женщинами и поставила ему ультиматум, сказав, что, увы, не питаю всепоглощающей любви ко всему человечеству в лице

его бесконечных подружек, поэтому пусть выбирает: или я, или все остальное человечество. По непонятной для него причине выбор пал на меня. Наверно, человечество не так уж много и значит, когда одному из его членов (можно рассматривать в самом прямом его смысле) ставят ультиматум.

С того дня и на ближайшие шесть месяцев у нас установились исключительно моногамные отношения. Роман разгорелся нешуточный, но по утрам, встречаясь в институте, мы делали вид, что с трудом узнаем друг друга. Последнее делалось исключительно ради безопасности Димы. После одного печального инцидента, когда одна из бывших «одалисок» при всем честном народе залепила ему пощечину, да притом еще с самого утра, так сказать, вместо привычной чашечки кофе, Дима решил, что надо быть осторожнее.

К концу пятого месяца я поняла, что мне становится скучно. Ситуация начала напоминать бесконечное празднование Дня Сурка, как в известной американской комедии – одни и те же разговоры, одни и те же песенки под гитару, а что касается любовных отношений, то они и подавно нагоняли на меня сонливость. Я была вынуждена выслушивать нудные монологи о том, как ему здорово в самый ответственный момент, и что он при этом ощущает. В конце концов, я испугалась, что у меня начинается синдром дежа вю.

– Ты не можешь хоть раз обойтись без комментариев? – наверно я задала тот самый идиотский риторический вопрос.

Дима округлил глаза.

– Это как?

– Это так: заткнуться, – где-то в глубине шевель-нулса зародыш раздражения. – Что ты все время бубнишь, словно тебя попросили лекцию прочитать на кафедре сексопатологии? Я свои ощущения и так знаю, а о твоих прекрасно догадываюсь, так что, ничего нового ты мне не открыл.

Дима выглядел крайне озадаченным.

– Может, мы еще мало встречаемся? – Вот это самонадеянность! – Ты просто не успела ко мне привыкнуть?

Да как я вообще могла потратить на эту рутину столько времени?! Не иначе, некоторые отношения и впрямь похожи не то на болото, не то на зыбучие пески. Раз ступишь – и все, пиши, пропало. Без посторонней помощи на поверхность никак не выкарабкаться.

В качестве «посторонней помощи» Мила была незаменима. Она всегда могла сказать то, что заставляло тебя выныривать из любого любовного омуту на раз-два-три.

– Ну, ты сама подумай, – говорила она, покачивая ногой в ультрамодной туфельке. – Что он может тебе дать? Секс три-четыре раза в неделю, пока молодой? Да такого богатства у каждого пятого выше крыши. Ни работы приличной, ни денег, ни воли к победе над трудностями. Ничего у него нет. Где он подрабатывает? В кабаке на Ленинском? Развлекает песенками состоятельных толстопузов с их девочками? Значит, скоро сопьется. И не говори мне, что это не так. Не он первый, не он последний. Я не удивлюсь, если он на наркотики подсядет. Это одна прямая. Когда у человека нет воли к победе, у него нет воли как таковой, а значит, его сломает кто угодно или что угодно. Так зачем тебе этот поломанный больной сучок?

Конечно, моя жизнь и так не была усыпана розами, поэтому больные сучки были в ней совершенно излишним хламом.

Увы, но с Димой нам все же пришлось расстаться.

Так вот, возвращаясь к тому, о чем говорилось выше, Женька все же добила своего. В один прекрасный день, она чуть ли не за руку привела обещанного «крестника» в кафе неподалеку от института и со словами: «Надо же, какая встреча!» плюхнулась на стул рядом со мной, указывая горящими глазами на оставшегося стоять молодого человека. Мне пришло на ум, что наверняка именно с таким восторженным выражением лица довольный коннозаводчик демонстрирует своего лучшего племенного жеребца-производителя.

Тем временем юноша всем своим видом выражал готовность немедленно войти в контакт с объектом знакомства. Он как-то странно таращил глаза, всячески стараясь показать, насколько он восхищен моей персоной, при этом он не преминул пару раз картинно их закатить и призывно раздуть ноздри.

– Слушай, кого ты привела? – я сделала вид, что у меня упала салфетка, и быстро наклонилась к Женьке. – Это не человек, а какое-то большое животное. Ты видела его ноздри? Они у него двигаются, как у гончей. И вообще, ему прививки от бешенства давно делали?

– Тебе не угодишь, – Женька изо всех сил старалась сохранить атмосферу непринужденности. – Даже если он слегка смахивает на гончую, то согласишься, на весьма породистую. И потом, тебе ведь не замуж за него выходить...

– Это точно, – с готовностью согласилась я. – Общение с подобными экземплярами мужского рода в больших количествах опасно для женского здоровья. Да сядет он, наконец, или так и будет копытами бить?! – От всех этих сексуальных флюидов, которые новоиспеченный ухажер пускал в мою сторону с завидным постоянством, мне вдруг стало дурно, словно я сожрала коробку шоколадных конфет и заела все это банкой сгущенки.

Юноша легким движением опустился на край свободного стула и как ни в чем не бывало продолжил строить мне глазки.

– Мы с Димой старые друзья, правда, дорогой? – Женька светилась, словно героиня фильмов о целине, которая узнала, что непонятно каким образом выполнила пятилетний план за один год и теперь ей светит почетная грамота из рук председателя райкома, в которого она тайно влюблена.

Так... Еще один Дима на мою голову. Видимо, рано я радовалась, когда с избавлением от первого Димы решила, что избавилась и от дежа вю.

– Дима, между прочим, изучает археологию. – В Женькиных глазах горела неподдельная гордость. – Еще он чудесно рисует и танцует.

Не Дима, а выпускница института благородных девиц! Наверно, в прошлой жизни Женька была процветающим торговцем на рабовладельческом рынке, с таким профессионализмом она всовывала мне в руки этого красавца. Осталось только заглянуть ему в рот, чтобы проверить крепость зубов.

– Хм... – я нервно откашлялась. – Что же... В общем-то, мне нечего сказать, – я мысленно проклинала тот день и час, когда согласилась на эту авантюру. Тоже мне, Мата Хари! Теперь я вынуждена вести двойную жизнь. Одну для своего теперешнего мужчины и другую для этого получеловека-полуживотного. Кентавр, мать его за ногу! Конечно, я не обязана, но треклятое любопытство и природный авантюризм предательски толкали меня попробовать запретный плод. Спасибо прародительнице Еве. Я еще раз убедилась, что плохая наследственность неискоренима, как бы с нею ни боролись.

Как я и предполагала, проблемы начались почти сразу же. Надо сказать, что бедняга Нарцисс по сравнению с Димой оказался жалким дилетантом. Дима не просто любил себя. Он обожал каждый сантиметр своего тела и беззастенчиво восхищался им. После месяца встреч стало окончательно ясно, что Дима не просто появился на свет. Он сам себя родил. Нельзя было отрицать тот факт, что он и в самом деле был красив, как статуя Давида, но статуя статуей, а превращаться при жизни в ходячий музейный экспонат и требовать от всех без исключения падать в обморок от восхищения при своем появлении, согласитесь, пахнет откровенной шизофренией.

Вообще, надо сказать, дорогие дамы, что знакомство с красивым мужчиной несет в себе массу проблем. Вы должны быть заранее готовы к тому, что отныне вы в добровольном порядке получили работу материально ответственного за хранение бесценного сокровища, коим является ваше новое приобретение. Ведь сколько желающих вокруг заполучить эту ценность! Я уже не говорю об актах откровенного вандализма, когда какая-нибудь дрянь решит попользоваться

его без спросу. Да так и норовит испачкать ваш шедевр своими грязными ручищами! Я вообще придерживаюсь мнения, что красивых мужчин надо ставить на сигнализацию. Как дорогой автомобиль. Если кто-то где-то, хоть пальцем... Чтoб орало на весь квартал! И не важно, что после такой сирены ваш красавец начнет плохо слышать, зато он по-прежнему ваш. Целиком и полностью.

Вот и мой Дима номер два вел себя слишком странно для нормального человека, но довольно обыденно для красивого мужчины. Каждый раз, когда мы оставались один на один в комнате, он рывком снимал с себя всю одежду, принимал художественную позу и застывал в ней ровно на то время, которое, по его мнению, было достаточно, чтобы оценить его уникальность.

– Ну как? – передо мной стояло совершенное существо всех отношениях, кроме человеческого.

– Что, как? – Мне нравилось выводить его из себя, делая вид, что не понимаю вопроса. Как я и ожидала, Дима «полез на стенку» от злости.

– Ты что, не видишь? – Его правильно очерченные губы искривились. – Вот эту икроножную мышцу? У кого ты еще видела такую икроножную мышцу?

– Вообще-то... – я равнодушно пожала плечами. – У меня нет привычки оценивать мужчин по их икроножным мышцам.

Увы. В сексе он был не столь великолепен. Его манеру можно было бы назвать: «скачки на опережение». Причем он всегда старался прийти к финишу первым, словно ему за это сунут в зубы сладкую морковку. Короче, это был тот самый случай, когда количество никак не хотело перерасти в качество.

– Ну почему красивый мужчина настолько безнадежен как любовник?

Я сидела за столиком в маленьком кафе на Пушкинской и делилась с Милой своими невеселыми впечатлениями относительно своей личной жизни.

– Неужели одно с другим настолько несовместимо? Почему красивый мужчина должен быть непременно глуп, как самая распоследняя завалявшаяся пробка, и бездарен в постели? Вот он стоит перед тобой: тело, словно вылепленное руками мастера, каждая черточка его лица настолько совершенна, что я ловлю себя на мысли, что завидую этому непроходимому эгоисту, когда с утра с трудом привожу себя в порядок. Знаешь, сколько мне приходится трудиться, чтобы выглядеть на «все сто»? А этот... даже не знаю, как его назвать, с утра встал и уже красив, как все греческие боги вместе взятые. Разве это справедливо?

– Дорогая, – Мила смотрела на меня, как на слабоумную, – ты хочешь от мужчины слишком много. И чтoб красивый, и умный, и чтoбы из постели по полдню не вылезал. В жизни надо уметь выбирать. Или одно, или другое.

– Выбирать... – я вдруг почувствовала себя обделенной. – А если я не хочу выбирать? Почему мужчины постоянно ставят нас в дурацкое положение?

– Потому что это мы им позволяем ставить себя во все положения, которые им заблагорассудится. Они полагают, что раз мы женщины, значит, просто обязаны быть в каком-нибудь положении.

– Кто здесь у нас в положении? – послышался до боли знакомый голос, и через мгновение около нас материализовалась Женька собственной персоной. – Надеюсь, не Валерия?

– Очень своевременное замечание, – огрызнулась я.

– О чем это она? – Женька перевела полный недоумения взгляд на Милу.

– О жеребце, которого ты ей подсунула, – Мила легким движением руки подозвала официанта. – Будешь есть? Вот этот милый юноша, – и она подарила молоденькому официанту одну из своих неотразимых улыбок, – рекомендует салат... Как, дорогуша, вы его назвали?

– «Дары моря»... – официант стоял красный, как рак.

– Многообещающее название, не правда ли? – и Мила оценивающим взглядом прошлась по ссутулившейся фигуре несчастного. – Я бы не отказалась от искушения попробовать их на вкус. Обожаю пробовать... – Мила картинно прикрыла глаза и облизнулась, как изнывающий от жажды придурок в рекламе кока-колы.

Официант окончательно потерял над собой контроль и, что-то пробормотав, рванул по направлению к кухне, предварительно чуть не уронив вазочку с цветами, стоявшую на самом краю стола.

– Видали? – Мила торжествующе хмыкнула. – Вот так их надо строить. А то возомнили о себе черт знает что. Покоя от них нет.

– Это от тебя покоя никому нет, – буркнула Женька и уткнулась носом в длиннющий список закусок.

Через пятнадцать минут подошел официант, но уже другой, и Женька заказала бутерброд с семгой и чашечку кофе.

– Я на диете, – пояснила она. – С меня хватит и тех калорий, что упадут в мой желудок вместе с куском рыбы. Так что там с нашей лошадью?

– Жеребцом, – поправила ее Мила. – Кого ты ей вообще подсунула?

Женька сочувственно захлопала глазами.

– Произошло что-то серьезное?

– Пока, нет, – поспешила я огорчить заботливую подругу. – Я от него уже третий день бегаю. Боюсь, как бы не укусил.

– Не думала, что все настолько паршиво...

Мила хмыкнула.

– А то ты не знаешь!

– Да откуда мне знать? – Женька выглядела растерянной. – Я же с ним встречалась от силы месяца два...

Я не могла поверить своим ушам.

– Так он и с тобой встречался?! Что ж ты раньше молчала? Вместо того, чтобы поделиться опытом и составить для любимой подруги необходимые рекомендации по уходу за этим чудом природы, ты предпочла наблюдать за моими мучениями издалека?

Женька выглядела не на шутку обиженной.

– Послушай... – примирительно начала я.

– И не подумай, – Женька надулась и уставилась в окно.

Мила снова фыркнула. Я уж было хотела сделать ей замечание, но оказалось, что фыркала она совсем по другому поводу. Пока мы с Женькой выясняли отношения, Мила занималась любимым делом: строила глазки какому-то блондину у барной стойки. Не устаю восхищаться ее трудолюбием в этом деле. Если бы за это давали правительственные премии, то Милина грудь звенела бы от орденов за отвагу и самоотверженный труд в тылу врага. Этаким разведчик сексуального фронта с единственным постоянным заданием: «найти и охмурить». Неважно где, неважно когда, к месту или не к месту, но человек знает свое дело и делает его с высочайшим профессионализмом. Ничего не скажешь – мастер.

– Вы только посмотрите, какой экземпляр! – шептала она, восхищенно тараща глаза в его сторону. – Ставлю пятьдесят баксов, что он со мной познакомится.

– Ставлю сто, что это сделаешь ты, – я кинула взгляд на блондина, и почему-то в душе шевельнулось злорадное чувство: «Так ему и надо».

Вот дожила... Что делает с женщиной негативный опыт общения с недоброкачественным мужчиной! Начинаешь желать всем без исключения всякие мерзости.

Женька оторвалась от созерцания пейзажа за окном и тоже уставилась на блондина.

– Давай, дерзай... Авось он не кинет тебя на следующий же день, после того как ты с ним переспишь. Даже можно пометчать о том, что вы сохраните верность друг другу на целых два дня. – У нее вырвался ехидный смешок.

– Правильно, – философским тоном заметила Мила. – Ничего не доставляет большего удовлетворения женщине, чем неудачи ее подруги в личной жизни.

С непередаваемым достоинством на лице Мила поднялась со своего места и медленно поплыла в сторону бара.

– Как она может вот так просто взять и подойти к совершенно незнакомому мужчине? – Женька во все глаза глядела, как Мила легко взбирается на высокий стул у стойки и, устало улыбаясь, как голливудская кинозвезда, которую в десятый раз номинировали на «Оскар», но так ничего и не дали, заказывает коньяк.

– К твоему сведению, здесь все мужчины незнакомые. – Я обвела глазами маленький залчик. – К тому же знакомиться со знакомым мужчиной просто нелепо.

Женька вытянула шею и попыталась разглядеть происходящее.

– Нет, это просто кошмар какой-то, – в Женькиных глазах заплясал огонек любопытства. – Мила совсем распустилась. Разве можно так откровенно себя вести?! Так она замуж никогда не выйдет.

Я пожалала плечами. Если кому-то и надо было строить очередную ячейку общества, но только не Миле. Она получала удовольствие от самого процесса знакомства. Это был своеобразный допинг, без которого она тут же впадала в хандру.

Первый поцелуй всегда самый сладкий. И чтобы не терять эту сладость, Мила инстинктивно меняла одного мужчину на другого, чтобы снова и снова пропускать через кровь этот наркотик.

Судя по всему, блондин у стойки оказался легкой добычей, потому что вскоре Мила вернулась к нам за столик, победоносно помахивая клочком бумаги.

– Его зовут Валентин. – Мила аккуратным движением извлекла из сумочки пачку сигарет. – Ему тридцать два, он не женат, детей нет, родители живут отдельно, из животных только рыбки, короче, почти идеальный вариант для знакомства.

Женька презрительно сощурилась.

– За десять минут беседы у тебя досье полнее, чем у участкового милиционера за год работы.

– Это потому, что милиционера нет творческой жилки, все для «галочки», – Мила закурила и пустила в Женьку колечко дыма. – И вообще, когда ты в последний раз видела живьем участкового милиционера?

– Послушайте, – я нетерпеливо заерзала на стуле. – Какого черта вы здесь обсуждаете? Для чего я вообще вас сюда позвала?

– Для общения, – не моргнув глазом брякнула Женька.

– Вот и давайте общаться! Мы сидим здесь уже час, а я еще не слышала ни одного разумительного совета. Вы мне подруги или кто?!

Мила тяжело вздохнула.

– Вот что ты хочешь от нас услышать? Что ты встречаешься с полным идиотом? С кретиним, который сходит с ума по собственному телу?

– И не только, – тихо пискнула Женька.

Я бросила в ее сторону сердитый взгляд. Уж чья бы корова мычала! Ведь знала же, с кем знакомит...

Конечно, Мила, как всегда, была права. Я и сама понимала, что общение с мужчиной, который не может пройти мимо зеркала, чтобы не полюбоваться на свою физиономию, не приведет ни к чему хорошему. Но женщины устроены так, что охотно надеются на лучшее даже

тогда, когда никаких причин для возникновения этого «лучшего» в ближайшие сто лет не предвидится.

Может, женщинам просто надо хоть на «что-то» надеяться, если надеяться на «кого-то» превратилось в бесполезное занятие?

Мне понадобилось еще два месяца, чтобы окончательно увериться в том, что Дима гнилой фрукт.

Меня настолько тошнило от бесконечного вынужденного созерцания тупой физической красоты, что я незаметно для себя стала мечтать о парне с небольшим животиком. Мои представления о мужской сексуальности начали медленно гипертрофироваться. Мало-помалу я начала засматриваться на мужчин с длинными носами, с лысиной, с заметной кривизной ног, и мне становилось не по себе оттого, что я нахожу их более привлекательными, чем идущее рядом со мной совершенное существо!

Как-то на моем очередном дне рождения, который я отмечала в кругу своих постоянных друзей, Дима, вместо того чтобы уделять внимание имениннице, с лихвой потратил его на тщательное изучение декольте рыжей девицы, которую приволок с собой один знакомый художник. В принципе мне было наплевать, что этот шизофреник-нарциссист с головой ушел в созерцание веснушчатых округлостей, нахально выпирающих из тесного лифчика приглашенной. Я ведь все равно приняла решение гнать его ко всем чертям, но позвольте! Сейчас он сидит в моем доме, за моим столом, трескает мои бутерброды и позволяет себе наглým образом получать удовольствие от созерцания отнюдь не моей груди!

К сожалению, приходится признать, что несомненные достоинства женщины не всегда одинаково несомненны для двух совершенно разных мужчин. Если один из них захлеб описывает прелести своей подружки, то не исключено, что для второго эти прелести будут столь же выразительны, как зад троллейбуса.

В любом случае, надо помнить, что мнение человека, а тем более мужчины слишком субъективно, чтобы являться истиной. Поэтому вот вам еще один совет. Если когда-нибудь ваша жизненная прямая пересечется с аналогичной прямой мужчины, который возьмет на себя наглость высказать вам свое «фи» по поводу вашей полноты, худобы, кривизны ног, недостаточно густых волос, слишком длинного носа, недостаточно большого по его мнению рта и полного отсутствия груди – плюньте ему в рожу. Да, да! Вместо того чтобы сигать с последнего этажа первой попавшейся высотки, оставляя после себя сопливые записки, резать вены и травиться всякой гадостью, просто один раз смачно плюньте на него. Если мужчина не ценит вас при жизни, то поверьте, он вряд ли начнет ценить вас после вашей смерти. Ваше несовершенное тело не успеет остынуть, как он заведет себе новую подружку, а ваша нелепая смерть наверняка станет для него дополнительной рекламой среди последующих поколений дурочек, которых он будет ловить все с тем же азартом. Увы, мои дорогие... Это правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.